

ПАМИРСКИЕ ТУАЛЕТЫ

Туалетные проблемы сопровождали нас с Ником с начала памирской экспедиции. Еще на геологической базе в городе Ош мы узнали о возможности легко схватить дизентерию. Нас предупредили, что если мы не хотим отсидеть два месяца в туалете местной инфекционной больницы, а попасть в экспедицию и увидеть горы, то должны строго соблюдать правила личной гигиены. Геологиня выдала нам флакончик с марганцовкой, которую надо было обязательно добавлять в воду перед мытьем овощей и фруктов. Мы с Ником честно соблюдали эти правила целую неделю и поражали на базаре местных аксакалов, когда мыли фрукты в красном растворе марганцовки, налитом в полиэтиленовый мешок. Питались мы в основном удивительно дешевыми шашлыками. И тут, в самый ответственный момент, нам не повезло. В какой-то забегаловке на окраине города мы съели по большой порции лагмана – местного блюда из макарон с мясом. Уже по дороге домой почувствовали неладное в желудках. На базе нас ждал сюрприз – через два часа отходила попутная машина в Мургаб. Нам предстоял путь в четыреста двадцать три километра по горным дорогам.

Все самые необходимые для экспедиции вещи – спецодежда, обувь, спальные мешки, палатки – были отправлены из Ленинграда железнодорожным багажом, который благополучно прибыл на станцию Андижан после окончания полевого сезона. Поэтому в Ош мы приехали налегке, и на сборы ушло десять минут, а остальное время мы с Ником провели в местном туалете.

В «Справочнике лечащего врача», в который я успел заглянуть в библиотеке геологической партии, диагноз нашей болезни оптимизма не внушал: «...в легкой форме – неукротимый хронический понос с образованием гнойных свищей по всему телу». Сидя в убогом дощатом сортире, я рассказал Нику о нашей судьбе.

– А в тяжелой форме? – Ник мужественно воспринял диагноз, и голос его не дрогнул.

– Заранее тебе об этом лучше не знать, – пожалел я друга.

Единодушно решили не рассказывать геологине о том, что мы заболели.

– Лучше умрем в горах, чем в сортире больницы, – рассуждал Ник, – и гордые орлы пусть выклюют нам глаза. А наши атомы в орлиных телах будут парить над величественными заледенелыми вершинами.

«Настоящий поэт, остается поэтом даже в сортире на краю смерти, – подумал я, – жаль, что, в конце концов, сдохнут сами орлы, и шакалы с визгом разорвут на части их гордые тела».

Нагруженный ватниками и спальниками по самые борта новенький ЗИЛ стоял у камералки. Изображая из себя джентльменов, мы с Ником пропустили всех пассажиров вперед, да еще и подсаживали их. В результате свободными в кузове остались места у самого заднего борта, так что при езде на малейшей ямке нас подкидывало сантиметров на тридцать. Сидеть было мягко, но вровень с бортом жутковато. На каждом повороте казалось, что машина не успеет вывернуть и непременно сиганет в пропасть.

Но что творилось у нас внутри! Лагман словно рассвирепевший носорог рвался наружу. Колики были ужасными, как будто зверь изнутри терзал нас острым рогом. Мы с Ником вели себя мужественно и терпели изо всех сил. Когда открывался очередной горный пейзаж, геологиня поворачивалась к нам, чтобы увидеть на наших лицах изумление. Мы дружно и счастливо улыбались, изображая потрясение видом гор. Я лично считаю, что за мужество и выдержку, проявленные нами, в первые два часа

езды, нам с Ником надо поставить бронзовый памятник, как Минину и Пожарскому. И сделать скромную надпись: «Нику и Абелю. Восхищенное человечество».

На первой остановке мы улетели в кусты, словно выброшенные реактивной катапульти. Счастья не скроешь и, когда мы вернулись к машине, Тамара по нашему виду сразу обо всем догадалась. Пришлось честно рассказать про лагман. Геологиня выдала нам антибиотики. Теперь по дороге она сама часто просила водителя сделать остановку, чтобы дать нам возможность облегчиться. В середине пути в нашем состоянии наметилось улучшение. Но, как известно, «перед тем как улучшиться, ситуация ухудшается». На одном из перевалов хлынул сильный дождь. Все укрылись брезентом, только мы с Ником оказались с краю. Помимо дождя нам доставались еще и потоки воды, стекающие с брезента. Мы вымокли до нитки, а замерзли до посинения.

Но даже в таком состоянии горы потрясли нас своим величием. Машина, завывая на пониженной передаче, упорно лезла вверх на перевал Акбайтал – один из самых высокогорных в мире автомобильных перевалов, расположенный на высоте 4655 метров над уровнем моря. Тут нас посетил тухек – горная болезнь. Виски ломило, во рту пересохло, а при каждом движении в кончики пальцев словно втыкали иголки. Но когда машина спустилась в Заалайскую долину на высоту всего три тысячи метров, заметно полегчало.

На геологической базе в Мургабе мы сразу выяснили, где находится туалет. Это было высокое деревянное строение без крыши, которое все называли обсерватория. Из него, как из колодца, даже в солнечный день можно было увидеть звезды.

Нас разместили в гостевом бараке, в котором останавливались геологические отряды во время перебазирования. Мы с Ником поселились в мужской комнате, а геологиня – в женской. В нашей комнате в одиночестве жил профессор одного из московских геологических вузов. Начитанный Ник до вечера беседовал с профессором на различные геологические темы. Я скромно молчал, едва сдерживаясь, чтобы не зевнуть, и делал вид, что мне страшно интересно их слушать.

Ночью Ник отправился принести очередную жертву богу сортирных времяпровождений – деду Порфирию. Туалет стоял на значительном удалении от барака. В кромешной темноте без фонарика Ник потерял ориентировку, и, возвращаясь, проскочил мимо барака. В результате он гулял по долине реки Мургаб до самого рассвета.

На другой день на базу вернулся поисковый геологический отряд. Обе комнаты быстро заполнились мужчинами и женщинами. И была в этом отряде влюбленная парочка, которая взяла себе за правило сидеть и миловаться на скамеечке под мужским крыльцом часов до трех ночи. Влюбленные ни на шаг не отходили от барака. Мужики естественно роптали, так как ночью, боясь заблудиться, привыкли справлять свою маленькую нужду прямо с крыльца. Однажды в три часа ночи профессор осторожно пробрался на мужское крыльцо. Влюбленные на скамеечке сразу притихли. Профессор выждал несколько секунд и тут же с крыльца сделал свое маленькое дело прямо на молодых. Они заорали, и смущенный профессор убежал в барак. Влюбленные решили перейти с мокрой скамейки на другую, под женским крыльцом. Профессор тем временем прошел барак насквозь по коридору к другому выходу. Как только парочка уселась на скамейку, скрипнула дверь. Влюбленные снова затихли, наивно полагая,

что на женское крыльцо выходят только женщины, а невидимый в кромешной темноте профессор второй раз справил на них свою нужду.

Утром все долго обсуждали это событие, но профессор не признался и удивлялся вместе со всеми.

– Мне кажется, это был мужчина, – авторитетно заявил он, поправляя пенсне.

На попутной машине наш маленький отряд переехал в стационарную геолого-съёмочную партию. Первое, что мы увидели на подъезде к лагерю, был деревянный туалет. Он стоял наклонившийся вперед и вбок. Шофер рассказал нам, что раньше туалет стоял в другом месте, недалеко от цистерны с бензином, которая располагалась выше по склону и немного подтекала. Просочившийся сквозь грунт бензин скопился в выгребной яме. Однажды рабочий, сидя в туалете и размышляя о превратностях жизни, бросил под себя окурочок. В дыму и пламени, словно стартующий космический корабль, он вылетел наружу. Рабочий отделался легким испугом и лишь опалил на теле шерсть.

Мы с Ником весело посмеялись над этой историей, не подозревая, что судьба уже заготовила для нас очередное испытание.

К моменту нашего приезда в партию выгребная яма переполнилась. Начальник решил перенести туалет на другое место и поручил нам с Ником, как новичкам, отрыть новый котлован. Копать яму на высоте четырех тысяч метров да еще на жаре – занятие не из приятных. Задыхаясь от нехватки кислорода, мы по очереди долбили яму в каменистом грунте. Во время перекура к нам подошел взрывник и предложил:

– Ребята, что вы мучаетесь? Хотите, я сделаю вам яму направленным взрывом?

– Только рядом со старой, чтобы далеко сортир не двигать, – попросил я.

Подрывник сделал перфоратором глубокий шпур, заложил взрывчатку и поджег бикфордов шнур. Мы отошли на положенные четыреста метров. Взрыв действительно получился направленным, обломки туалета потом собирали в радиусе полукилометра, а старую выгребную яму разворотило так, что значительную часть дерьма выбросило точно на нашу палатку, крайнюю в ряду. Нам пришлось снять с каркаса палатку и до вечера стирать ее в ледяной воде.

Наш университетский отряд состоял из двух геологинь, поварихи и двух коллекторов – меня и Ника. В конце сезона мы объединились с отрядом московских геологов, в котором было четверо мужчин и грузовик. Началась кочевая жизнь. Каждую неделю мы переезжали на новое место, набившись под потолок в крытый брезентом кузов машины.

Обычно палатки ставили недалеко от скал, за которыми устраивали туалет. Для сигнализации использовали красный флажок, вставлявшийся в расщелину, когда место занято. Однажды, завернув за скалу, на которой не было сигнального флага, я застал сидящего Ника, невозмутимо держащего в поднятой вверх руке красный флажок.

Как-то раз мы расположились лагерем в самых верховьях сая. Вокруг стояли заснеженные горы. С одной из вершин стекал узкий язык ледника, заканчивавшийся ледопадом. На изломе лед светился изумрудно-зеленым огнем. Палатки установили на ровной зеленой лужайке, покрытой эдельвейсами. На склонах кустились «тенистые терескеновые рощи», достигавшие в высоту почти тридцати сантиметров. И тут возникла проблема с утренним туалетом. Лагерь находился в центре широкой и совершенно ровной ледниковой долины, которая не позволяла уединиться для удовлетворения своих личных нужд. Приходилось отходить от палаток на

такое расстояние, когда уже нельзя было разобрать, чем занимается человек в настоящий момент: стоит, идет или сидит.

После тяжелого маршрута мы потребляли горячий чай в огромных количествах, поэтому к утру мочевого пузыря разрывало от давления. В отряде популярным был анекдот про мальчика в пионерлагере, который объяснял вожатой, почему он писается в кровати:

«Во сне приходит ко мне гномик и говорит: «Давай, Вовочка, пописаем?» Ну, я с ним вместе и писаю!»

Хитрая воспитательница подучила мальчика:

«Если сегодня ночью к тебе снова придет гномик, ты ему скажи: «Спасибо, гномик, я уже писал!»

Утром смущенный мальчик рассказал воспитательнице:

«Когда пришел гномик, я сразу его предупредил, что уже писал!»

«Ну, а он?» – насторожилась воспитательница.

«А он сказал: «Что ж, хорошо, тогда давай покакаем».

Так вот, ночью гномики толпами заполняли наш лагерь, наперебой предлагая составить им компанию. Поначалу я отсылал их к Нику, и тот, будучи не в силах никому отказать, безропотно вставал среди ночи. Но как-то случайно я проговорился, и хитрый Ник стал отсылать гномиков обратно ко мне. В конце концов, мы с ним договорились направлять всех гномиков к москвичам.

Труднее всего было рано утром, когда в лагере все ходили туда-сюда. Вставать, одеваться, расстегивать палатку и идти по своим делам вверх по долине восемьсот метров... Я боялся, что когда-нибудь не дойду!

Конечно, можно было встать первому, когда все еще в спальниках, отбежать метров на двадцать и... быстренько сделать свое маленькое дело. Но встать в такую рань – выше моих сил.

Некоторые решали свои проблемы очень просто. Наш гость – московский профессор, очень милый непосредственный старичок, выйдя утром из палатки, нисколько не смущаясь, приговаривал: «Охо-хо-хо-хо», – и тут же делал свои маленькие дела, ни на кого не обращая внимания. Поэтому как только раздавалось: «Охо-хо-хо-хо», все дружно отворачивались. В принципе, это было решение проблемы, но не все обладали профессорской невозмутимостью.

Для маленького отряда возить с собой разборный туалет в битком набитой машине очень неудобно. Однако когда в отряде женщины, то без туалета жить сложно.

Меня вызвал для беседы начальник московского отряда Володя Павленко. Поскольку мы жили и работали вместе, он решал в лагере все хозяйственные вопросы.

– Ваше указание выполнено, – сходу доложил я.

– Но я тебе ничего не указывал, – опешил Павленко.

– А я ничего и не делал, – не моргнув глазом ответил я, мысленно радуясь, что так легко купил начальника на старую армейскую хохму.

Володя не обиделся и спокойно объяснил, что завтра к нам в лагерь должны приехать еще две московские геологини, одна из которых была доктором наук, и предложил мне за два часа построить туалет. Павленко уточнил, что из стройматериалов в моем распоряжении имеются только две рейки.

– Это немало, – я был уверен, что Володя меня просто разыгрывает, – и времени и материалов вполне достаточно! Мне рассказывали, что на международной выставке сантехники в русском павильоне стояли два кола

и под ними табличка: «Туалет Тундра». Бородатый мужик охотно и деликатно отвечал на вопросы посетителей:

«Я когда это... ну... до ветра иду, один кол втыкаю в снег и ватник вешаю, а вторым, пока сижу, волков отгоняю!»

Володя сдержанно улыбнулся и серьезно заявил:

– К сожалению, такой вариант не подходит. Нужно построить общественный туалет. И больше никаких вопросов, – упредил он меня, – детали продумаешь сам, а об исполнении доложишь!

Я все ещё надеялся, что это просто розыгрыш, но Павленко твердо сказал:

– Иди... и построй туалет!

«И человека человек,

Послал к анчару властным взглядом», – вспомнилось мне.

Что ж, задание, сроки и материалы я получил, осталось воплотить их в жизнь. А самое главное в жизни – не спешить! Так учил меня один ветеран. Нынешней весной я сидел на скамейке у студенческого общежития и ждал своих друзей. Ко мне подсел слегка выпивший мужчина с широкой орденой колодкой на борту синего кителя и, пользуясь моим деликатным молчанием, принялся рассказывать истории, которые сводились к одному – не надо спешить. Он рассказал, как на войне был минером и не спешил, а кто-то поспешил и взорвался. Потом он был электриком и снова не спешил, а кто-то опять поторопился и в результате – электрошок, и так далее. Тут из общежития вышли наши ребята. Я медленно встал, своим видом показывая, что рад был бы слушать такие поучительные истории весь день, но... вынужден уйти. Ветеран тоже поднялся со скамьи в надежде успеть досказать очередную историю. Я развел руками и прервал его: «Извините, я спешу!»

Ветеран понял, что досказать ему не удастся, сурово посмотрел на меня и передразнил: «Спешу! Эх, ничему я тебя так и не научил. Видно с тобой твои родители тоже поторопились!»

Я твердо решил не спешить, вернулся в палатку и залез в спальный мешок, для того чтобы приступить к созданию рабочего проекта. Павленко, когда узнал об этом, прибежал разъяренный.

– Продумываю детали, – упредил я брань начальника, – а как следует сосредоточиться можно только в спальнике. Туалет будет готов через три часа!

– Ну, смотри! – зловеще произнес Павленко. – Благодарность моя будет ослепительной!

– Думаю, что банки «мурабоси» (местного вишневого варенья) и пачки болгарских сигарет с фильтром будет вполне достаточно!

– И еще, я добавлю от себя кое-что!

Теплый спальник из верблюжьей шерсти это место, где богу сновидений Морфею легче всего одолеть человека, даже с железной волей вроде моей. Я позорно уснул и проснулся через два часа! Нахально проспать два часа посередине рабочего дня было уже наглостью, и я понимал, что так это мне с рук не сойдет.

В лагере царило оживление. Павленко что-то указывал Кадыру, и голос его звенел в предвкушении экзекуции. Я представил себе, как он бросает косые злорадные взгляды в сторону моей палатки.

Лучше бы я вовсе не просыпался! Конечно, не в том смысле, чтобы совсем умер, а просто впал в краткий летаргический сон дня на три, и чтобы трогать меня было нельзя!

Но действительность требовала быстрых и решительных действий. Я выскочил из спальника со скоростью, к которой не смогли бы меня принудить и целая дюжина гномиков. На четвереньках боком, словно краб, я проскользнул за соседней палаткой к машине. Достал из кузова две рейки, лопату и кусок промасленного брезента. Стараясь оставаться незамеченным, я отбежал от лагеря метров на сто и за тридцать минут вырыл в каменистом грунте одну большую яму и две поменьше для кольев. Намотал концы брезента на рейки на манер транспаранта и закрепил их в грунте. Получился общественный стационарно-передвижной туалет под названием «Ширма». Красный сигнальный флажок, воткнутый между складками брезента, придал строению законченный вид.

По правде говоря, я даже не ожидал, что все так ловко и быстро получится. Оставалось еще пятнадцать минут, а раньше условленного срока Володя ко мне в палатку ни за что не войдет. Незаметно вернувшись назад, я залез в спальник и чуть было опять не уснул.

Вошел Павленко. В руках у него было ведро ледяной воды.

«Это и есть то самое, обещанное «кое-что», – угадал я, – фу, как примитивно!»

– Дрыхнешь? – миролюбиво спросил Павленко, но по его лицу было видно, что он соображает, как бы ловчее плеснуть на меня из ведра, чтобы вода непременно попала внутрь спальника.

– Я не «дрыхну», как вы изволили выразиться, а нахожусь в состоянии гомеостаза, когда все мои физиологические системы возвращаются в состояние устойчивого равновесия после непосильного труда по строительству туалета, – коротко ответил я.

– Ты что-то со сна заговариваешься, сейчас поправим головку! – Павленко замахнулся ведром для «крещения».

– Но, но! – закричал я, переворачиваясь вместе со спальником, чтобы подставить под струю непромокаемый низ. – Вы сначала идите и проверьте.

Павленко раскусил мой маневр и лить воду напрасно не стал, а решил продолжить переговоры в надежде, что я развернусь обратно.

– Туалет построен в срок. Стоит за машиной. Я готов к принятию ослепительной благодарности.

Павленко бросился на улицу. Я выскочил за ним.

– Ну, студент! – только и смог выговорить Павленко, рассматривая туалет.

– Я не такой щепетильный, как Остап Бендер, и готов взять награду частями. Болгарские сигареты могу принять сейчас.

Павленко достал из кармана пачку сигарет с фильтром и отдал мне. Я закурил и предложил начальнику.

– Молодец, – похвалил меня Володя, угощаясь из собственной пачки.